

Неординарные золотоордынские погребения с бронзовыми конусами из Калмыкии

Игорь Иванович Дремов¹, Евгений Викторович Круглов²

¹ ООО «Георесурс-КБ»

кандидат исторических наук, научный сотрудник

 0000-0002-8525-1874. E-mail: iid57[at]yandex.ru

² Волгоградское региональное отделение «Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры»

секретарь

 0000-0002-7070-9889. E-mail: khasar[at]vlpost.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Дремов И. И., Круглов Е. В., 2024

Аннотация. В золотоордынских захоронениях 2-й половины XIII – конца XIV вв. встречаются конусовидные предметы, свернутые из листов железа или бронзы. Конусы являются надежным индикатором монгольских погребений. В ряде случаев имеются признаки, указывающие на практикование буддийских культов. Часто конусы находятся в комплексах с необычным ритуалом и многочисленным инвентарем. В статье рассмотрен ряд неординарных памятников с бронзовыми конусами, исследованных Е. В. Цуцкиным в 1977–1978 гг. на территории Калмыкии. Такие погребения, как *Адрык, 9/1, Гува-2, 4/2, 5/1, 7/1*, кроме конусов, имели и другие монгольские признаки: северную или северо-восточную ориентировку умерших, кости овцы, включая вертикально поставленную конечность. В погребении *Большой Царын-1, 1/1* захоронена женщина с южной ориентировкой, у которой во рту находилась челюсть ребенка. Вокруг черепа погребенного из *Большого Царына-1, 2/1* располагался шелковый мамлюкский тираз с вышитым текстом на арабском языке. В работе использованы этнографические и письменные источники, способствующие осмыслению неординарных погребений с конусами.

Ключевые слова: конусы, кочевники, Золотая Орда, погребальный обряд, кости овцы, северная ориентировка, монеты во рту, монголы, буддизм

Для цитирования: Дремов И. И., Круглов Е. В. Неординарные золотоордынские погребения с бронзовыми конусами из Калмыкии // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2024. № 2. С. 67–93.
DOI: 10.22162/2587-6503-2024-2-30-67-93

Extraordinary Burials of Golden Horde with Bronze Cones from Kalmykia

Igor I. Dremov¹, Evgeniy V. Kruglov²

¹ ООО “Georesurs-KB”

Cand. Sc. (History), Research Associate

 0000-0002-8525-1874. E-mail: iid57[at]yandex.ru

² Volgograd Regional Branch of the “All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments”

Secretary

 0000-0002-7070-9889. E-mail: khasar[at]vlpst.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Dremov I. I., Kruglov E. V., 2024

Abstract. Cone-shaped objects, rolled from sheets of iron and bronze are found in the Golden Horde burials of the late 13th – late 14th centuries. Cones are a rare but one of the most reliable indicators of Mongolian burials. In a number of cases, there are additional signs pointing to Buddhist cults in burials with cones. Often they are located in extraordinary complexes with numerous equipment or with an unusual ritual. The burials studied in this article are extraordinary with bronze cones: Adryk, mound 9, burial 1, Guva-II, mound 4, burial 2, mound 5, mound 7. They have Mongolian features such as a northern or northeastern orientation, sheep bones, and cones. There is a leg bone of a sheep placed vertically, which is a specificity of Mongolian burials. In the burial in kurgan 1 of Bolshoy Tsaryn-1, 1/1, a woman with a southern orientation was buried, who had a child’s jaw in her mouth. A silk Mamluk tirade with an embroidered text in Arabic was placed around the skull of the buried in mound 2 in Bolshoy Tsaryn-1, 2/1. The work uses ethnographic and written sources that contribute to the understanding of extraordinary burials with cones.

Keywords: metal cones, funeral ritual, nomads, Golden Horde, funeral rites, sheep bones, orientation to the north, coins in the mouth, Mongols, Buddhism

For citation: Dremov I. I., Kruglov E. V. Burials Extraordinary of Golden Horde with Bronze Cones from in Kalmykia. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2024; 2: 67–93. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2024-2-30-67-93

1. Введение

В погребениях золотоордынских кочевников довольно часто встречаются конические предметы, которым исследователи дают самые различные определения: конусы, колпачки, ворворки, втоки, шишаки, колокольчики, подвески для конской упряжи, детали бунчуков, ритуальные шаманские или буддийские предметы и т. д. Они свернуты из железных или бронзовых листов, имеют пропорции от вытянутых до приземистых, высоту от 2 до 7 см. Эти, обычно грубо выполненные, кустарные изделия часто встречаются в погребениях с разнообразным и многочисленным инвентарем, включая серебряные монеты, предметы из драгоценных металлов, редкое и дорогое оружие [Дремов, Круглов 2023].

Целью данной работы является введение в научный оборот малоизвестных материалов раскопок золотоордынских кочевнических погребений с бронзовыми конусами и определение их этнокультурной и религиозной принадлежности.

2. Общие сведения о погребениях с конусами

Семьдесят восемь погребений с железными конусами, включая пять комплексов, обнаруженных на территории Сарпинской низменности (*Джангар-II-1988*, 2/1; *Кривая Лука-XVI*, 5/1; *Никольское-I*, 3/1; 8/1; *Хар Нуурин Толга*, 9/1), ранее были выявлены и рассмотрены в статье И. И. Дремова и Е. В. Круглова [Дремов, Круглов 2021]. Золотоордынские погребения с бронзовыми конусами отдельно в специальной литературе пока не обсуждались. К настоящему времени в степях Улуса Джучи удалось выявить 33 комплекса с бронзовыми конусами, в том числе девять на территории Калмыкии: *Адрык*, 9/1; *Большой Царын-I*, 1/1; 2/1; *Гува-2*, 4/2; 5/1; 7/1; *Косика*, п.¹ 53; *Улан-Толга*, 2/1; *Чограйский-V*, 2/1. Предварительный список комплексов с бронзовыми конусами приведен в таблице 1.

---

¹ Здесь и далее п. — погребение, к. — курган.

Таблица 1. Золотоордынские погребения с бронзовыми конусами *

№	Название комплекса	Автор и год отчета / публикация	Ориентировка**	Пол	Состояние до раскопок	Кости животных	Характерные признаки	Наличие монет	Расположение	Наличие пластин и плоско-сосудов
1	<i>Августовка, 1/1</i>	[Гарустович и др. 1998]	Северо-восток	—						
2	<i>Адыг, к. 9, п. 1</i>	[Пушкин 1978]	Северо-восток	муж.		Кости и конечность овцы вертикально			В изголовье	Рядом дно бронзового стакана
3	<i>Аксеновский-1, к. 20.</i>	[Шилов 1966]	Северо-восток	жен.			6 конусов у седла, золотые и серебряные украшения		На ступени	Бронзовые и серебряные сосуды
4	<i>Большой Царын-1, к. 1</i>	[Пушкин 1977]	Юг	жен.			Кость овцы, челюсть ребенка во рту		Конус на перекрытии	
5	<i>Большой Царын-1, к. 2</i>	[Пушкин 1977]	Северо-восток	муж.		Кости овцы	Шелковая повязка с надписью	Монета во рту	У черепа	Железная пластина вдалеке
6	<i>Брич-Алга, Клад</i>	[Гарустович 2012]	Клад	—						
7	<i>Власовский-1, 10/2</i>	[Кравец 2005]	Северо-восток	муж.			Крупный камень в могиле		У локтя	Рядом бронзовый ланцет

8	<i>Гува-2, 4/2</i>	[Цуцкин 1978]	Север	муж.						У плеча	6 бронзовых пластин рядом
9	<i>Гува-2, к. 5, п. 1</i>	[Цуцкин 1978]	Северо-восток	муж.				Кости кончестности овцы с альником		В изголовье	Бронзовые пластины рядом
10	<i>Гува-2, к. 7</i>	[Цуцкин 1978]	Север	муж.						На плече	Бронзовые пластины рядом
11	<i>Евпатория</i> (оз. Сазык), п. 3	[Анохин, Приднев, 2014]	—	—			Разрушено				
12	<i>Евпатория</i> (оз. Сазык), п. 3	[Анохин, Приднев, 2014]	—	—			Разрушено				
13	<i>Каленная балка, п. 3</i>	[Плетнева 1962]	Северо-восток	муж.						У черепа	В стороне пластины и плоско
14	<i>Карасуяр, п. 7</i>	[Усманова и др. 2024]	Север	муж.				Лопатка овцы		Между бедренными костями	С плоско
15	<i>Кировский V, 4/1</i>	[Илюков 1985]	Север	муж.				Лопатка овцы		Бронзовые у седла, железный конус рядом с плоско	5 бронзовых монет, 1 железная монета

16	<i>Кировский</i> У, 7/1	[Ильюков 1985]	Северо- восток	муж.	Разруше- но	Кости овцы, ло- патка и берцовая кость		3 брон- зовых монеты, 2 железных монеты	У седла	Есть се- ребряные и брон- зовые сосуды
17	<i>Клин-I</i>	[Тихонов 2017]	Север	—			В кенотафе есть бронзо- вый и желе- зный конусы			
18	<i>Косика</i> , п. 53	[Дворничен- ко 1989]	Север- северо- восток	муж.			На лице фрагмент шелковой ткани.	Серебря- ные мо- неты	У плеча	Бронзо- вая чаша, пластина в стороне
19	<i>Молчановка- II</i> , 3/2	[Синицын 1959; Гару- стович, Раку- шин 2010]	—	—	Разруше- но					
20	<i>Московский-I</i> , к. 8	[Ильюков 1984]	Северо- восток	муж.		Конечность ло- патка и астрагал овцы	Конус с ремешком в золотой паче		У плеча	Брон- зовая пластина рядом, 2 пешки в ногах
21	<i>Назавский-IV</i> , к. 1	[Мыськов 2015]	Север- юг	жен.	Грабл.	Кости овцы	В конусе железный стержень	5 дирхемов		

22	Новосадковский, к. 1	[Ильиных 1985]	Северовосток	муж.			Лопатка и берцовая кость конечности овцы	Сложная конструкция из пластин и конуса		Конус на колчане	
23	Новотроицкое, к. 4, п. 1	[Кубышев 1976]	Восток	муж.			Лопатка и кость конечности овцы	Вход в подбой закрыт разобранной повозкой		Под колчаном у плеча	У черепа бронзовое ведро
24	Новый Куляк, 28/1	[Кригер 1983]	Западно-запад	жен.			Скелет лошади				
25	Остроухов, к. 3, п. 1	[Гуренко, Ситников 2019]	Восток-запад	—	Разрушено					Конус и чаша с дужкой	
26	Передельское, п. 5	[Потемкина 2012]	?	—						У локтя слева	С бронзовой плоской
27	Песковка-II, к.7	[Захаров, Лопан 2006]	Северовосток	муж.			Бедренная кость конечности овцы на гробе	Конус в железной коробочке			Железная пластина
28	Петровка, к.1, п. 2	[Максимов 1959]	Северовосток	муж.						В ногах	Железная плетка, фигурная пластина
29	Сайхин, к. 3	[Синицын 1959, Гарустович, Ракушин 2010]	Восток	—	Разрушено		Кость конечности овцы			У таза	бронзовая плетка, железная пластины

30	Семенкин, 29/1	[Ларенок 1992]	Северо- восток	муж.		Кости овцы, ко- нечность барана вертикально	Имеются железные и бронзовые конусы	7 бронзо- вых ворво- рок	
31	Улан-Толга, к. 2	[Николаева, Сафронов 1985]	Северо- восток	муж.					
32	Чосрайтский-5, к. 2	[Гаврилина, Шиллина 1986]	Запад	—					
33	Шуциловка	[Супруненко и др. 2024]	—	—					

* Некоторые погребения, включенные в таблицу 1, имеют конусовидные предметы нестандартной формы: *Августовка, 1/1* — конус сильно усеченный и разомкнутый; *Власовский-1*, к. 10, п. 2 — конус по форме как небольшая, не до конца свернутая в конус плоско; *Каменная балка*, п. 3 — конус с дополнительной планкой на раструбе для крепления; *Новый Кулак, 28/1* — конус усеченный.

** Линейное направление ориентировки черепом указано в тех случаях, когда она установлена. В разрушенных погребениях дана ориентировка по оси могилы. В таблице и в списке источников приведены имеющиеся у авторов в настоящее время данные по отчетам. Сведения о количестве листов в отчетах отсутствуют.

Наиболее неординарными и практически до сих пор малоизвестными погребениями с бронзовыми конусами оказались памятники, исследованные Калмыцко-Астраханской археологической экспедицией Калмыцкого научно-исследовательского института истории, филологии, экономики и Калмыцкого государственного университета под руководством Е. В. Цуцкина в 1977–1978 гг. на территории Калмыкии в могильниках *Адрык*, *Большой Царын-1* и *Гува-II*.

3. Курганная группа *Адрык*

Курганная группа *Адрык* располагалась на возвышенности Галунд-Цаган Адрык и состояла из 14 насыпей, 13 из которых были раскопаны. Наиболее древние погребения данной группы оказались связаны с эпохой бронзы. В курганах № 1, 3, 10 и 11 были обнаружены женские, а в курганах № 4, 8 и 9 мужские погребения конца XIII – середины XIV вв. Эти памятники можно считать могильником одной кровнородственной группы кочевников эпохи Золотой Орды. Бронзовый конус был обнаружен в погребении *Адрык*, 9/1. Диаметр кургана 11 м, высота 0,45 м. Погребение являлось впускным и принадлежало мужчине зрелого возраста с ориентировкой головы на северо-восток. У черепа погребенного находились вертикально поставленная конечность овцы с альчи-ком, остатки деревянного седла, два железных стремени, удила, ременные подпружные пряжки и соединительные кольца. В стороне у стенки ямы располагались дно бронзового стакана диаметром 4 см и небольшой конус, вырезанный из листа бронзы толщиной 0,1 см и имевший размеры 3 x 2,5 см. Ниже пояса располагались берестяной украшенный костяными орнаментированными накладками колчан, два железных наконечника стрел; фрагменты ткани, кости барана и предметы ременной портупей (рис. 1, 1) [Цуцкин 1978: 66–71].

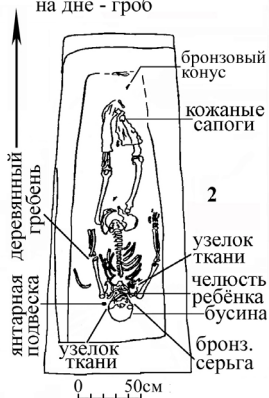
4. Курганная группа *Большой Царын-1*

Курганная группа *Большой Царын-1* необычна. Она состояла всего лишь из 2 насыпей, сооруженных над основными золотоордынскими погребениями. Насыпи эпохи бронзы и раннего железного века здесь отсутствовали. Существование у средневековых

БОЛЬШОЙ ЦАРЫН-I, 1/1
жен.

ровики - в насыпи и
 вокруг насыпи
 ступица колеса -
 в насыпи ямы
 на дне - гроб

БОЛЬШОЙ ЦАРЫН-I, 2/1

муж.

ровик (3 сегмента) - вокруг насыпи
 кость овцы

Рис. 1. Планы погребений с указанием расположения находок:
 1 — Адрык, 9/2; 2 — Большой Царын-I, 1/1; 3, 4 — Большой Царын-I,
 2/1 — план погребения; череп, конус и повязка с надписью

кочевников таких могильников является большой редкостью, что заставляет их изучать более внимательно. В инвентаре погребений в обоих курганах были зафиксированы бронзовые конусы.

Диаметр кургана *Большой Царын-1*, 1/1 11,4 м, высота 0,5 м (рис. 1, 2). Вокруг насыпи, исключая восточную сторону, визуально прослеживался заплывший прикурганый ровик шириной 2,5 м. Вокруг могильной ямы, находившейся в центральной части подкурганной площадки, после снятия насыпи был выявлен дополнительный сплошной кольцевой ровик, имевший ширину 0,6 м и глубину от древней дневной поверхности 0,2–0,25 м. Этот ровик, видимо, являлся оградой. Ровики, сооружаемые вокруг погребений и курганов, в золотоордынской археологии до сих пор не были предметом отдельного изучения, но наличие вокруг одного погребения сразу двух ровиков явление уникальное, не имеющее себе аналогий. Могильная яма имела прямоугольно-трапециевидную форму и условной длинной осью была ориентирована по линии север-юг. В насыпи южной части ямы (над черепом погребенной) на глубине 0,85 м от уровня древнего горизонта располагалась ступица деревянного колеса, изготовленная на токарном станке. Бронзовый конус (у Е. В. Цуцкина — «колпачок») был обнаружен в насыпи северной части ямы (над костями ног погребенной) на глубине 1,6 м. Скелет взрослой женщины, головой ориентированный на юг, располагался на дне могилы (1,86 м), в гробу. Рот погребенной был приоткрыт, в полости рта находилась нижняя челюсть ребенка альвеолами (зубными лунками) вверх. «Череп погребенной болезненно увеличен. Основание черепа проломлено рубящим ударом сзади» [Цуцкин 1977: 37], при этом левые нижние коренные зубы отсутствовали, а верхний край нижней челюсти женщины был отбит и находился на левой стороне грудной клетки. На височной кости черепа зафиксирован узелок ткани от головного убора. Рядом находились янтарная подвеска, черная пастовая бусина, бронзовая серьга, а также бусина, завернутая в ткань. Под правой лопаткой еще один узелок ткани, под предплечьем левой руки — деревянный гребень с фрагментом ткани и фрагмент деревянного предмета с орнаментом, под кистью слой бересты [Цуцкин 1977: 34–37].

Помещение конуса в женское захоронение — явление нечастое. Из 78 погребений с железными конусами всего лишь три

комплекса являлись женскими: *Болгар*, восточный въезд, погр. 4; *Весёлый-II*, 2/1 и *Нагавский-I*, 1/1 [Дремов, Круглов 2021: 161]. Из 33 погребений с бронзовыми конусами лишь четыре являются женскими: *Аксёновский-I*, 20/1; *Большой Царын-I*, 1/1; *Власовский-I*, 10/2; *Нагавский-IV*, 1/1. Расположение конуса-колпачка в заполненной могильной яме в погребении *Большой Царын-I*, 1/1 необычно. Вероятно, конусы являлись «мужскими» атрибутами, а в женских погребениях они использовались лишь в каких-то особых случаях.

Диаметр кургана *Большой Царын-I*, 2/1 18 м, высота 0,7 м (рис. 1, 3). Вокруг насыпи прослеживались три отдельных сегмента широкого околочурганного ровика. В насыпи фиксировались кости животных. Погребение было устроено в могильной яме с подбоем и принадлежало мужчине зрелого возраста, ориентированному головой на север-северо-восток и обращенному лицом на запад. В северной части входной ямы найдена трубчатая кость овцы. Вход в подбой закрыт деревянными плашками. Череп погребенного был опоясан шелковой повязкой с вышитой надписью на арабском языке «Господин миров». Во рту находилась медная монета. В стороне от черепа располагался бронзовый конус, его размеры 7 x 5 см. Слева у таза находился кожаный кошель с серебряными монетами. Под костями таза находились позвонки барана. Все остальные находки располагались с правой стороны погребенного, начиная от черепа до ступней ног. Среди них: берестяной колчан с наконечниками стрел, остатки деревянного седла, украшенного костяными накладками с гвоздиками, железные удила, стремена, пряжки, костяная пуговица, железные пластины и ряд мелких предметов, оставшихся неопределенными [Цуцкин 1977: 38–42].

5. Курганная группа *Гува-2*

Курганная группа *Гува-2* к моменту раскопок 1978 г. состояла из 10 насыпей, 8 из которых были исследованы¹. Наиболее древние захоронения связывались с эпохой бронзы. В курганах № 4, 5, 7 и 8 были обнаружены мужские золотоордынские погребения. Сразу в трех из них в составе погребального инвентаря были найдены бронзовые конусы.

¹ Один из курганов с женским погребением конца XIII – середины XIV вв. был раскопан в 1975 г. экспедицией Е. В. Шнайдштейн (*Гува-III*, 1/1).

Диаметр кургана *Гува-2, 4/2* 21 м, высота 0,7 м (рис. 2, 1). Вокруг насыпи ровик, в насыпи кости животных, фрагменты керамики, зольные пятна. Могила основного типа, с подбоем, ориентирована длинной осью по линии север-юг. Вход в подбой заложен деревом. Скелет мужчины ориентирован головой на север-северо-восток. За черепом располагалась конечность барана с альчиком. У черепа — бронзовая застежка кармана сумки в виде трехлепестковой розетки с прямым основанием. У челюсти (вероятно, за щекой) — две серебряные монеты. У левого плеча — шесть плоских бронзовых пластин с отверстиями и бронзовый конус (размеры 7 x 5 см). На костях позвоночника — обожженный камень треугольной формы. У пояса слева — берестяной колчан с железными наконечниками стрел, две серебряные монеты, железные нож, пряжки, обоймы. Под колчаном бронзовый полукруглый умбон щита (?). Под тазом погребенного позвонки овцы. У кисти правой руки еще две серебряные монеты, железное кресало и кремь. В ногах остатки деревянного седла, железные удила и стремяна [Цуцкин 1978: 161–168].

Диаметр кургана *Гува-2, 5/1* 12 м, высота 0,5 м (рис. 2, 2). Вокруг насыпи широкий ровик без видимых перемычек, в насыпи кости животных. Могила с подбоем, ориентирована по линии северо-восток–юго-запад. Имелись остатки древесины — заклад подбоя. Останки взрослого мужчины ориентированы головой на северо-восток. За черепом бронзовый конус, рядом несколько бронзовых прямоугольных пластин, железное острие ножа, конечность овцы. Справа, вдоль скелета железное кресало, остатки деревянной кибити лука, остатки парчи, деревянный гребень в кожаном футляре, железные портупейные пряжки, не менее трех серебряных монет. Слева, вдоль скелета железная булава с деревянной рукоятью, железные пластины, берестяной колчан с костяными накладками, наконечники стрел, бронзовый умбон деревянного щита (?), железные портупейные крюки, нож и кресало, четыре половинки серебряных монет. В ногах деревянное седло, железные удила, два стремени, разнообразные подпружные пряжки и заклепки. Под костями грудной клетки позвонки барана [Цуцкин 1978: 182–191].

Диаметр кургана *Гува-2, 7/1* 11 м, высота 0,4 м (рис. 2, 3). Вокруг насыпи ровик, в насыпи кости животных. Могила с подбо-

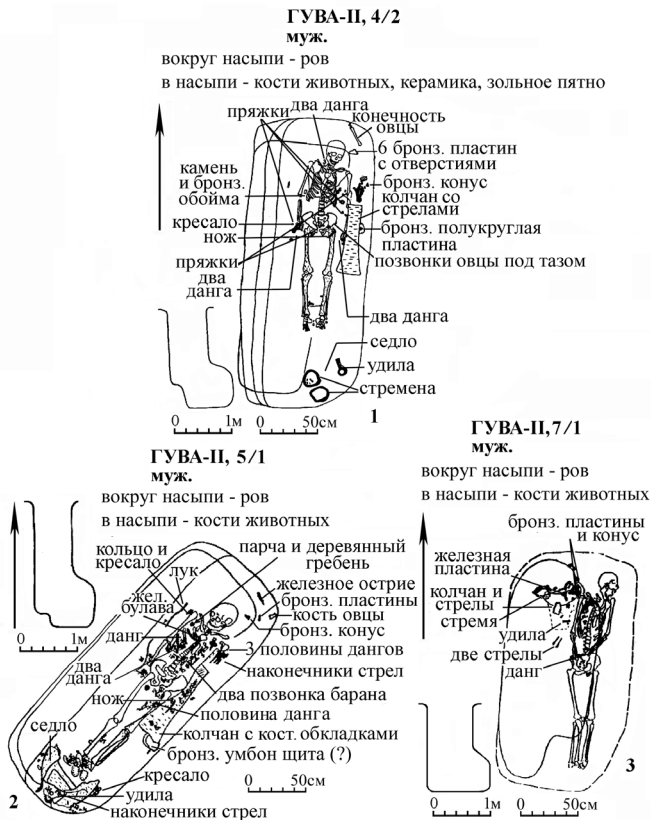

Рис. 2. Планы погребений с указанием расположения находок:
1 — Гува-II, 2/1; 2 — Гува-II, 5/1; 3 — Гува-II, 7/1

ем, ориентирована по линии северо-восток–юго-запад. Имеются следы плашек от заклада подбоя. Скелет мужчины ориентирован головой на север-северо-восток. Бронзовый конус находился близ правой плечевой кости. Здесь же остатки деревянного седла, железные удила, стремяна, берестяной колчан с наконечниками стрел, бронзовые и железные пластины, портупейные и подпружные кольца, костяная пуговица. В районе пояса находилась монета [Цуцкин 1978: 199–205].

6. Обсуждение

По инвентарю и погребальному обряду время существования этих погребений определяется золотоордынским временем — от второй половины XIII в. до XIV в. Отсутствие в погребальном инвентаре погребений каких-либо характерных предметов домонгольского времени позволяет уверенно ограничивать нижнюю границу комплексов самым концом XIII в. В четырех погребениях было зафиксировано наличие монет: *Большой Царын-1, 2/1* — кошель с несколькими монетами и одна находилась во рту; *Гува-2, 4/2* — шесть монет, располагавшихся по две в трех разных местах; *Гува-2, 5/1* — не менее трех целых и четырех половинок; *Гува-2, 7/1* — одна монета на поясе. Несмотря на то, что ни одна из этих монет своевременно не была прочитана, а их современное местонахождение не известно, данная информация все же позволяет несколько уточнить хронологические рамки погребений. Согласно наблюдениям Е. П. Мыськова, денежное обращение в среде кочевого населения Волго-Донского региона разделяется на три периода: до 1310 г., 1310–1363 и 1363–1410 гг. К первому периоду относится 5 % всех ныне известных золотоордынских погребений с монетами, представленными только одиночными экземплярами, ко второму — 91 %, к третьему — 4 %. Это означает, что сам факт обнаружения в том или ином погребении нескольких серебряных монет является достаточно надежным аргументом в пользу датировки такого комплекса в пределах 1310–1363 гг. По заключению Е. П. Мыськова, данное положение может распространяться, в первую очередь, на погребальные памятники с наличием в составе инвентаря комплектов из трех и более неопределенных монет [Мыськов 2015: 239]. Поэтому широкая датировка рассмотренных комплексов возможна в промежутке 1310–1360-е гг.

Пять из шести рассматриваемых погребений мужские. Судя по наличию в могилах берестяных колчанов с наконечниками стрел и остатков деревянной кибитки сложносоставного лука, вероятнее всего, это были высоко профессиональные воины. Статус этих воинов, однако, не совсем ясен. Колчаны из погребений *Адрьк*, 9/1 и *Гува-2*, 5/1 были украшены орнаментированными костяными накладками, широко распространенными, но достаточно престижными в Золотой Орде. В погребении *Гува-2*, 5/1 была обнаружена железная булава. В погребениях *Гува-2*, 4/2 и 5/1 были найдены бронзовые умбоны деревянных щитов. Это достаточно редкие находки. Во всех погребениях отсутствовали сабли, но зато имелись железные и бронзовые пластины с отверстиями, вероятно, являвшиеся символическими деталями-заменителями весьма дорогих и престижных панцирей. Исходя из всего перечисленного, очевидно, что погребенные не имели статусных джучидских поясов и иных вещей из драгоценных металлов и, соответственно, не принадлежали к высшей элите Золотой Орды, а, скорее всего, являлись представителями воинской монгольской знати среднего уровня.

Для погребальной обрядности могил, рассматриваемых в данной статье, особенно характерно полное отсутствие в них останков коня, традиционно встречающихся в захоронениях эпохи средневековья. Несмотря на это, о кочевнической природе погребенных достаточно уверенно говорит помещение в могилы седел и предметов амуниции — удила, стремян и подпружных пряжек, размещавшихся либо в ногах, либо за головами покойных.

Подобные комплексы в XIV в. являлись характерными для районов Волго-Донского междуречья и, по данным Е. П. Мыськова, показывали устойчивую связь с ориентировкой в северном направлении. Они же надежно соотносятся и с ярко выраженным антропологическим признаком монголоидности центрально-азиатского типа черепов, имеющих краниологические определения. Указанные обстоятельства позволили Е. П. Мыскову уверенно связывать данную группу погребальных памятников с этническими монголами [Мысков 2015: 55]. В погребениях с железными конусами имеется шесть определенных черепов, 5 из которых имеют ярко выраженную монголоидность центрально-азиатского типа и один череп метиса с монголоидными и европеоидными чертами. Еще 5

погребений из тех же могильников с монгольским погребальным обрядом, но без конусов, тоже имели признаки монголоидности центрально-азиатского типа [Дремов, Круглов 2021: 157, 159].

Ориентировку погребенных на север или северо-восток имели пять из шести захоронений. Все они были мужские. По мнению Е. П. Мыськова, северное направление в погребениях золотоордынских кочевников является главным этническим признаком монгольских захоронений [Мыськов 2015: 44, 272].

В рассматриваемых погребениях также были встречены кости овцы или барана: *Адрык, 9/1*; *Большой Царын-1, 2/1*; *Гува-2, 4/2*; *Гува-2, 5/1*, при этом в погребении *Адрык, 9/1* конечность барана располагалась вертикально, что также считается одним из главных этнических индикаторов монгольских захоронений. Такие кости в могилах не являлись пагубной пищей. Они имели особое культовое значение в ритуалах большинства монгольских народов, что зафиксировано и этнографическими данными [Ларенок 1992: 181, 183; Дремов, Круглов 2021: 155]. Например, в свадебных обрядах конечность барана имела фаллическое значение и, в сочетании с лопаткой, символизировала мужское и женское начала [Бадмаев 2015: 255–264]. Это обстоятельство объясняет ее установку в погребениях в вертикальном положении.

В материалах ранее рассмотренных погребений Улуса Джучи с железными конусами была отмечена устойчивая связь этих предметов с металлическими пластинами и плошками [Дремов, Круглов 2023]. Сочетание бронзовых конусов с железными и бронзовыми пластинами было зафиксировано также и в погребениях *Большой Царын-1, 2/1*; *Гува-2, 4/2*; *Гува-2, 5/1*; *Гува-2, 7/1*, на что выше уже обращалось внимание. В погребении *Адрык, 9/1* рядом с конусом находилась донная часть небольшого бронзового стакана.

В погребении *Большой Царын-1, 2/1* зафиксирован уникальный случай. Бронзовый конус находился рядом с черепом, на котором сохранилась шелковая повязка с вышитой надписью «Господин миров». Надпись можно трактовать как слова из первой суры Корана «Хвала Аллаху, Господину Миров». Однако возникает несоответствие хорошо известных признаков тюркской погребальной обрядности (западная ориентировка, наличие костей лошади) с ярко выраженным монгольским погребальным обрядом данного

погребения (ориентировка на северо-восток; кости овцы; наличие обильного количества инвентаря, в том числе конуса и монеты во рту). В связи с этим более убедительной представляется иная трактовка надписи на повязке, предложенная профессором, доктором Ириной Шингерей (Оксфорд). По ее мнению, здесь присутствует арабское слово *аль-алим* ‘мудрый’, ‘ученый’, ‘знающий’, которое в XIV в. прилагалось к имени султана или эмира. Сама же лента является мамлюкским тиразом, шелковой лентой с именем и титулом правителя, которую вручали в качестве подарка. Тиразы являлись знаком престижа, предметом статусным. Их массовое производство было налажено в XIV в. [Shingiray 2018: 201–205]. В данном случае тираз мог иметь либо статусное, либо мемориальное значение. Кроме значения статусной вещи, лента тираза могла иметь функцию черной повязки на глаза. Если буддист умирал с открытым ртом или глазами, это считалось плохим признаком. В этом случае «глаза его зашивают нитками и прикрывают черной шелковой материей» [Позднеев 1993: 463]. При этом могло иметь значение, что в буддизме черный цвет применялся в самых гневных магических ритуалах, во время которых предполагалось абсолютное уничтожение препятствующего демона или врага [Бир 2013: 228].

Несмотря на использование шелкового тираза с арабской надписью, погребение *Большой Царын-1, 2/1* обладает несомненными монгольскими культурными признаками. Особо показательным в данном случае оказывается наличие во рту погребенного (за щекой) монеты. По мнению В. П. Костюкова, именно наличие монеты во рту является индикатором буддийской обрядовой традиции в золотоордынских погребениях: «Ключом к решению вопроса могут послужить те монетные находки, что были обнаружены во рту погребенных (а также, видимо, те, которые зафиксированы в руках умерших)» [Костюков 2009: 215].

В погребении *Большой Царын-1, 1/1* зафиксировано еще несколько неординарных явлений: сооружение двух ровиков — вокруг насыпи и наличие ограды вокруг могилы; южная ориентировка. Голова женщины была «болезненно увеличена» и отсечена. В приоткрытом рту была размещена детская челюсть. Вряд ли это является проявлением кощунства или каннибализма. Такое сочета-

ние обрядовых особенностей и патологических проявлений вызывает ассоциации с ужасающим и одновременно прекрасным женским божеством индуизма и буддизма, богиней, великой матерью Чхиннамаста, Парвати, Дурга, Ума, имеющей еще десятки других имен и воплощений. Она богиня противоречий, дарительница жизни и забирающая жизнь, место ее обители — место кремации. Она олицетворяет смерть, жизнь, временность и разрушение. Ее иконография находится за пределами логики и здравого смысла. Она жена Шивы, но при этом бывает на изображениях с младенцем Шивой на руках. Открывая рот и показывая зубы во время танца, она наводила ужас на Шиву, который спасался от нее бегством. В тибетском буддизме в образе Чиннамунды она изображалась с собственноручно отрубленной своей головой во время танца. При этом в левой руке она держит собственную голову, пьющую фонтанирующую из шеи кровь [Махабхарата 1993: 134, 448, 553, 60, рис. 1; Chhinnamasta].

Рот женщины в погребении *Большой Царын-1, 1/1* был открыт. У монголов буддистов это считалось плохим предзнаменованием и требовало проведения сложных ритуальных действий [Позднеев 1993: 463]. Возможно, что заполнение приоткрытого рта женщины челюстью ребенка связано с исполнением подобного ритуала. Кроме того, в буддийской символике встречаются аномальные для европейского восприятия изображения с вырванным сердцем во рту божества [Бир 2013: 216] и магический ритуал, «вырывания черного языка». Практическая часть обряда у калмыков заключалась в имитации «отрезания черного языка» (*хар кел утлһн*), который символически был представлен в виде тонкой веревки, сплетенной из черной и белой шерстяной нити, что может являться отголоском древних обычаев реального наказания [Бичеев 2014: 88].

В погребениях с конусами встречаются и другие аномальные проявления. Например, в *Высочино-2, 11/1* в могиле мужчины с северо-восточной ориентировкой предплечье с кистью правой руки и пальцами было отсечено и размещено в бронзовом котелке в ногах погребенного. Рядом лежали ламинарные пластины и железный конус. Помимо этого, в могиле был многочисленный инвентарь, состоящий из предметов вооружения и конской упряжи [Дремов,

Круглов 2021: 164, рис. 4, II, Б]. В буддийской символике описано «отрубленное правое предплечье с кистью руки и пальцами, которую держит Ваджрабхайрава, что символизирует ловкость или силу в выполнении четырёх тантрических активностей — умиротворения, приумножения, подчинения и разрушения» [Бир 2013: 215]. Что означает аналогичное правое предплечье с кистью и пальцами правой руки в котелке, остается загадкой.

Из инородных предметов во рту обычно находятся монеты. В. П. Костюков отмечал, что «в буддийских погребениях в рот могли быть положены не только монеты, но и другие ценные предметы» [Костюков 2009: 217]. Вложенные в рот драгоценности (в буддийском понимании) встречаются в разных вариациях. В. П. Костюков приводит случай обнаружения в *Шумаевском II* могильнике в погребении центральноазиатского монголоида зажатой в зубах бронзовой пластины длиной 4 см, шириной 1,2 см [Костюков 2009: 225]. Пластина — не очевидный эквивалент монете. Аналогичные бронзовые, но чаще железные ламинарные пластины и плоски являются наиболее часто встречаемым инвентарем, находящимся вместе с конусами. Вероятно, они имели самостоятельную семиотическую ценность.

Сравнивая буддийские захоронения из могильников *Мамму-Толгой* и *Сарбулат-2* в окрестностях Каракорума, В. П. Костюков отмечал, что их общими чертами является «...южная ориентировка погребенных, обматывание головы шелковой тканью, вкладывание в рот ценностей (в первом случае монет, во втором — обломка серебряного колечка)» [Костюков 2009: 211]. По две монеты во рту встречены также в погребениях в мавзолее на Увеке [Костюков 2009: 205, 207, 211, 213, 216]. В рассмотренном выше погребении *Гува-II, 4/2* также во рту находились две серебряные монеты. Такое совпадение вряд ли можно объяснить случайностью.

В. П. Костюков, отмечая буддийскую принадлежность данного признака, выразил сомнение в правильности определения монет, вложенных в рот, античным термином «обол Харона» и высказал мнение, что в монгольских погребениях они являлись оберегами [Костюков 2009: 216]. Действительно, эта традиция выглядит не вполне уместной для буддизма, в котором эсхатологическая концепция имеет иные принципы по сравнению с античными пред-

ставлениями о переправе через реку в страну мертвых и необходимости платить за переправу.

Если сравнивать инструкцию (*Цзурдайн судур*), описанную А. М. Позднеевым, которую дает монгольский лама умирающему, с описаниями различных видов света и видений, который он увидит после смерти, с представлениями о загробном мире простолюдинов периода раннего восприятия буддизма, трудно найти соответствия [Позднеев 1993: 456–461]. Профанные народные суждения о загробном мире светских буддистов значительно отличались от канонической буддийской концепции, по которой для благоприятного перемещения в загробный мир требовалась не материальная плата, а хорошая карма. Это своеобразие народных воззрений о загробном мире отражено в книге «Юйли баочао», или «Драгоценные копии Нефритовых скрижалей», появившейся в Китае в период династии Сун, но остававшейся популярной и в следующие эпохи. По представлениям рядовых китайцев-буддистов дорога в загробный мир пролегла через здание суда с такими же чиновниками, как в реальной жизни. Здесь каноническая буддийская концепция переплелась с народными воззрениями о загробном мире [Корнильева 2010: 91–105]. Еще более показательны произведения периода становления буддизма в Китае, в которых народные представления проявились в полной мере. Например, в «Загробных скитаниях Вань Хэ» сразу после смерти появилось несколько человек чиновников загробного мира, которые занесли умершего в списки, связали и увели. Бхишу (святой монах) приказал развязать умершего потому что при жизни он вел себя подобающе. Самостоятельно он дошел до городской управы загробного мира, вспоминая свои достойные и недостойные дела в предыдущих перерождениях. В управе человек со списком в руках предъявил ему тяжкие обвинения в святотатстве и убийствах, в которых он не был виноват. Бхишу заступился за умершего. Оказалось, что мелкие «чиновники» напутали и внесли его в другой список. Бхишу велел умершему отправляться домой, «подал ему вещицу, по виду напоминающую маленький колокольчик, и сказал: Когда Вы, господин, подойдете к дому, оставьте эту вещицу за воротами. Не смейте вносить ее в дом. Когда умерший вернулся домой, он оставил предмет, похожий на колокольчик за воротами, вошел в дом,

объединился со своим мертвым телом, ожил и рассказал о своих приключениях другим живым людям. Топография загробного мира весьма вариативна. Некоторым умершим приходилось преодолевать пограничные заставы и высокие ворота, проходить взвешивание преступлений и благодеяний на весах и переправляться через широкие реки с помощью волшебной бирки [Ван Янь-сю 1998: 91–105, 143, 145].

У монголов буддизм также находился на стадии становления и сосуществовал с тенгрианством и другими верованиями и религиями. В их системе представлений о загробном мире монеты во рту могли быть и платой за переправу, и таможенной платой на заставах или при входе через ворота, и взяткой чиновникам загробного мира. Наличие во рту двух монет, как в погребении *Гува-2, 4/2* и в ряде других золотоордынских погребений, может подразумевать подорожные расходы туда и обратно с учетом перерождения. Характерно, что в погребении *Большой Царын-1, 2/1* все серебряные монеты находились в кошельке, а единственная медная монета была обнаружена именно во рту, что сближает ее с «оболом Харона», представления о котором могли проникнуть к восточным народам в античные времена после походов Александра Македонского.

Подтверждением потребности в деньгах в загробном мире буддистов служит эпизод посмертного ритуала китайского посла, описанный шведским капитаном Шничером, который сопровождал китайское посольство в 1716 г. после встречи с ханом Аюкой. Тело покойного положили на два больших, специально подготовленных для сожжения сруба. При этом они изготовили имитацию множества бумажных денег с дырой посередине величиною с каролин (европейские золотые или серебряные монеты). Во время ритуала они во множестве сжигали эти монеты и бросали пригоршнями на воздух [Шничер 1978: 485–486].

Погребение *Большой Царын-1, 1/1* интересно и в связи с обнаружением в засыпи могильной ямы ступицы деревянного колеса. Такие случаи уже интересовали исследователей, но рассматривались они либо в возможном этническом аспекте, либо в связи с транспортными функциями повозки, частью которой являлось колесо [Яворская 2013: 134–140]. В буддизме, в семиотическом зна-

чении три составляющих части колеса (ступица, спицы и обода) символизировали три аспекта учений об этике, мудрости и концентрации, а центральная втулка представляла собой нравственную дисциплину, которая центрирует и стабилизирует ум [Бир 2013: 36–37].

То, что курганная группа *Большой Царын-1* состояла только из двух насыпей одной культуры и одного времени, в одном из которых было женское погребение с южной ориентировкой и челюстью ребёнка во рту, а в другом — мужское с типично монгольской северо-восточной ориентировкой, вертикально поставленной конечностью барана и монетой во рту, видимо, было не случайно. Необычные явления, зафиксированные в погребениях курганов № 1 и № 2 могильника, показывают, что эти курганы могут быть связаны между собой семантически, и их особенности лучше всего раскрываются через призму многообразной буддийской практики.

7. Заключение

Ориентировка погребенных из раскопок Е. В. Цуцкина в северном и северо-восточном направлении, размещение в могилах костей овцы, включая вертикально поставленную конечность, наличие конусов характерны для монгольской этнокультурной традиции. Погребения могильников *Большой Царын-1* и *Гува-2* обладают также признаками буддийской этноконфессиональной принадлежности. С буддийской религией может быть связано нахождение во рту погребенных монет и челюсти ребенка. Не противоречит этому и нахождение на черепе мужского погребения тираза с арабской надписью. Таким образом, те или иные признаки монгольской и буддийской принадлежности присутствуют в материалах всех рассмотренных погребениях. Есть основания считать бронзовые конусы атрибутом буддийской практики в золотоордынских комплексах.

Источники и литература

Анохин, Приднев 2014 — Анохин В. В., Приднев С. В. Грунтовый могильник поздних кочевников под Евпаторией // История и археология Крыма, 2014. Вып. 1. Сб. ст., посвящ. 100-летию со дня рождения Олега Ивановича Домбровского. С. 435–453.

- Бадмаев 2015 — *Бадмаев А. А.* Баранья лопатка в обрядовой практике бурят // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. № 7: Археология и этнография. С. 255–264.
- Бир 2013 — *Бир Р.* Тибетские буддийские символы. Справочник / пер. с англ. Л. Бубенковой. М.: Ориенталия, 2013. 336 с.
- Бичеев 2014 — *Бичеев Б. А.* Обряд «отрезания черного языка»: традиция и современность // Полевые исследования. Вып. 2. Монгольские народы: традиционная культура и современные социокультурные процессы. Элиста: КИГИ РАН, 2014. С. 87–101.
- Ван Янь-сю 1998 — *Ван Янь-сю.* Предания об услышанных мольбах (Гань ин чжуань), а также: Лю И-цин. Подлинные события (Сюань янь цзи); Ван Янь. Вести из потустороннего мира (Мин сянь цзи); Хоу Бо. Достопамятные происшествия (Цзин и цзи); Тан Линь. Загробное воздаяние (Мин бао цзи) / Пер. с китайского, вступ. статья и примеч. М. Е. Ермакова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1998. 368 с.
- Гаврилина, Шишлина 1986 — *Гаврилина Л. М., Шишлина Н. И.* Отчет об исследованиях Чограйского отряда Калмыцкой археологической экспедиции в зоне строительства орошаемой участка совхоза «Чограйский» в Ики-Бурульском районе Калмыцкой АССР в 1986 г. // Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Ф. 14. Оп. 2. № 41. 104 л.
- Гарустович 2012 — *Гарустович Г. Н.* След великой замятни (Местонахождение XIV века у деревни Брич-Алга). Уфа: АН РБ, Гилем, 2012. 222 с.
- Гарустович и др. 1998 — *Гарустович Г. К., Ракушин А. И., Яминов А. Ф.* Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XV века) / отв. ред. В. А. Иванов. Уфа: Гилем, 1998. 335 с.
- Гарустович, Ракушин 2010 — *Гарустович Г. Н., Ракушин А. И.* Позднекочевнические комплексы нижневолжского региона (из раскопок И. В. Сеницына) // Уфимский Археологический вестник. 2010. № 10. С. 150–160.
- Гуренко, Ситников 2019 — *Гуренко Л. В., Ситников А. В.* Могильник поздних кочевников у хут. Остроухов Кумылженского района Волгоградской области // Археология как жизнь. Памяти Евгения Павловича Мыськова (Сб. ст.) / редкол.: Е. В. Круглов, А. С. Лапшин, И. Ю. Лапшина. Волгоград: Сфера, 2019. С. 239–249.
- Дворниченко 1989 — *Дворниченко В. В.* Отчет о раскопках могильника у с. Косика Енотаевского района Астраханской области в 1988–1989 гг. // Архив Института археологии РАН. Р-1. № 14188. 72 л.

- Дремов, Круглов 2021 — *Дремов И. И., Круглов Е. В.* Железные конусы в погребениях Улуса Джучи: аспекты этнокультурной принадлежности // Нижневолжский археологический вестник. Т. 20. № 2. Волгоград: ВолГУ, 2021. С. 149–168. DOI: 10.15688/nav.jvolsu.2021.2.7
- Дремов, Круглов 2023 — *Дремов И. И., Круглов Е. В.* Этническое и общекультурное в погребальном обряде кочевников Улуса Джучи (по материалам кургана 5 могильника Кривая Лука XVI) // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 16. Вопросы древней и средневековой археологии Северного Кавказа и прилегающих территорий. Ставрополь; М.: Печатный Двор, 2023. С. 391–422.
- Захаров, Лопан 2006 — *Захаров П. Е., Лопан О. В.* Средневековый курган Песковка-II // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 3 / ред. И. В. Сергацков. Волгоград: ВолГУ, 2006. С. 21–30.
- Ильюков 1981 — *Ильюков Л. С.* Отчет об исследовании археологических памятников в Мартыновском районе Ростовской области в 1981 г. // Архив Института археологии РАН. Р-1. № 8867. 244 л.; № 8867а. 35 л.; № 8867б. 36 л.; № 8867в. 35 л.; № 8867г. 15 л.
- Ильюков 1984 — *Ильюков Л. С.* Отчет об исследовании курганных могильников на левобережье реки Сал в Мартыновском районе Ростовской области в 1984 г. // Архив Института археологии РАН. Р-1. № 11857. 74 л.; № 11857а. 35л.; № 11857б. 32 л.
- Ильюков 1985 — *Ильюков Л. С.* Отчет об исследовании курганов в зоне строительства Мартыновской оросительной системы в Ростовской области в 1985 г. // Архив Института археологии РАН. Р-1. № 10925. 227 л.; № 10925а. 41 л.; № 10925б. 34 л.
- Корнильева 2010 — *Корнильева Т. И.* Традиционные китайские представления о загробном мире, отраженные в своде «Юйли баочао»: ортодоксальный буддизм и народные верования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 13. 2010. № 1. С. 91–105.
- Костюков 2009 — *Костюков В. П.* Буддизм в культуре Золотой Орды // Тюркологический сборник 2007–2008. История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М.: Вост. лит., 2009. С. 189–236.
- Кравец 2005 — *Кравец В. В.* Кочевники Среднего Дона в эпоху Золотой Орды / ред. А. Т. Синюк. Воронеж: ВГПУ, 2005. 206 с.
- Кригер 1983 — *Кригер В. А.* Средневековые захоронения Новокумакского могильника (Оренбургская область) // Советская археология. 1983. № 3. С. 171–187.
- Кубышев 1976 — *Кубышев А. И., Дорофеев В. В., Евдокимов Г. Л., Николова А. В., Полин С. В., Симоненко А. В., Чекамова Г. И., Ядвичук В. И.* Отчет

- о работах Херсонской экспедиции в 1976 году. Раскопки курганов в зоне строительства Каховской оросительной системы в Херсонской области // Научный архив Института археологии НАН Украины. № 1976/11.
- Ларенок 1992 — *Ларенок В. А.* Об этнической принадлежности погребенных в средневековых курганах у х. Семёнкин // *Донские древности*. Вып. 1. Азов: Азовский краеведческий музей, 1992. С. 158–189.
- Максимов 1959 — *Максимов Е. К.* Археологические исследования в Петровском районе Саратовской области // *Труды Саратовского областного музея краеведения*. Вып. 2. Саратов: тип. изд-ва «Коммунист», 1959. С. 87–94
- Махабхарата 1993 — Махабхарата. Книга седьмая, Дронапарва / пер. с санскрита и комментарии В. И. Кальянова. СПб.: Наука, 1993. 648 с.
- Мыськов 2015 — *Мыськов Е. П.* Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград: РАНХиГС, 2015. 484 с.
- Николаева, Сафронов 1985 — *Николаева Н. А., Сафронов В. А.* Исследование курганов в зоне строительства рисовой Калмыцко-Астраханской оросительной системы (КАРОС) на землях совхоза «Джангр» Октябрьского р-на Калмыцкой АССР в 1985 г. // Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Ф. 14. Оп. 2. № 34. 119 л. С. 26–30
- Плетнева 1962 — *Плетнева С. А.* Половецкие погребения в урочище Каменная балка. Археологические раскопки на Дону / отв. ред. С. М. Марков. Ростов н/Д: Ростовск. ун-т, 1962. С. 133–137.
- Позднеев 1993 — *Позднеев А. М.* Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу (Reprint). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 496 с.
- Потёмкина 2012 — *Потёмкина Т. М.* Металлические посудовидные изделия из погребений номадов золотоордынского времени Восточной Европы: проблемы и стереотипы // *Степи Европы в эпоху средневековья*. Золотоордынское время. Т. 11 / отв. ред. А. В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2012. С. 279–305.
- Синицын 1959 — *Синицын И. В.* Археологические исследования Заволжского отряда (1951-1953) // *Памятники Нижнего Поволжья*. Итоги работ Сталинградской экспедиции. Т. 1. МИА № 60 / отв. ред. Е.И. Крупнов. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 39–205.
- Супруненко и др. 2024 — *Супруненко О. Б., Приймак В. В, Мироненко К. М.* Старожитности золотоордынского часу Днепровского лесостепного Левобережья. Киев; Полтава: Археология, 2004. 82 с.
- Тихонов 2017 — *Тихонов В. В.* Отчет об археологических раскопках в 2017 году кургана 1 курганного могильника Клин-1 в Николаевском

- районе Ульяновской области // Архив Института археологии РАН. Р-1. № 59175. 193 л.
- Усманова и др. 2024 — *Усманова Э. Р., Дмитриев Е. А., Колбина А. В., Панюшкина И. П., Паршин Ю. Е.* Следы явлений и процессов в археологических памятниках: Материалы международной научной конференции (Пятигорск, 8–10 апреля 2024 г.) / отв. ред. С. А. Яценко, Е. В. Куприянова. Ставрополь: Печатный двор, 2024. С. 197–215.
- Цуцкин 1977 — *Цуцкин Е. В.* Отчет о работе Сарпинской археологической экспедиции Калмыцкого научно-исследовательского института истории, филологии, экономики и Калмыцкого государственного университета в 1977 г. // Архив Института археологии РАН. Р-1. № 9828, а, б. ??? л.; Отчет о работе археологической экспедиции Калмыцкого научно-исследовательского института ЯЛИ и КГУ в 1977 г. // Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Ф. 14. Оп. 2. № 8. 93 л.
- Цуцкин 1978 — *Цуцкин Е. В.* Отчет о работе Калмыцко-Астраханской археологической экспедиции Калмыцкого научно-исследовательского института истории, филологии, экономики и Калмыцкого государственного университета в 1978 г. // Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Ф. 14. Оп. 2. № 14. 227 л.
- Шилов 1966 — *Шилов В. П.* Отчет Астраханской археологической экспедиции за 1966 г. // Архив Института археологии РАН. Р-1. № 4625, а, б. С. 94–96.
- Шничер 1978 — *Шничер И. Х.* Записки шведского капитана Иоанна Христиана Шничера, который был у китайских посланников, бывших в 1714 году у Аюки хана в провожатых // Русско-китайские отношения в XVIII в. Т. I. 1700–1725. М: Наука, 1978. С. 437–486.
- Яворская 2013 — *Яворская Л. В.* Части повозок в погребениях кочевников золотоордынского времени Нижнего Поволжья // От Онона к Темзе. Чингисиды и их западные соседи: к 70-летию Марка Григорьевича Крамаровского / ред.-сост. В. П. Степаненко, А. Г. Юрченко. М.: Марджани, 2013. С. 134–141.
- Chhinnamasta — Chhinnamasta [электронный ресурс] // URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Chhinnamasta> (дата обращения: 20.04.2024).
- Shingiray 2018 — *Shingiray I.* “The Wise,” “the Learned,” “the Knowledgeable”: A Mamluk (?) Tiraz from the Grave of a Golden Horde Steppe Warrior (Kalmykia, Russia) // Археология евразийских степей. Средневековая археология. 2018. Вып. 4. Мат-лы VIII Междунар. конф. «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве, посвященной памяти Г. А. Фёдорова-Давыдова. С. 221–205.